

Орфанитский И. А., свящ. Речь перед защитой диссертации: «Историческое изложение догмата об искупительной жертве Господа нашего Иисуса Христа». М., 1904 // Богословский вестник 1905. Т. 1. № 3. С. 567–578 (2-я пагин.).

Речь предъ защитой диссертациі: „Историческое изложеніе догмата объ искупительной жертвѣ Господа нашего І Христа“, произнесенная 20 января 1905 года.

Книга, которую я буду имѣть честь защищать въ настоящемъ ученomъ собраніи, возвращаетъ мою мысль къ очень давнему времени, ко днямъ моего студенчества.

„Ужъ много лѣтъ ушло съ тѣхъ поръ, и много
Перемѣнилось въ жизни для меня,
И самъ, покорный общему закону
Перемѣнился я; но здѣсь опять
Минувшее меня объемлетъ живо“.

Живо помню, какъ, будучи студентомъ III курса, я взялъ тему для своего кандидатскаго сочиненія „О первосвященническомъ служеніи І Христа“ у Александра Дмитриевича Бѣляева, въ то время еще молодого, только начинавшаго свою ученую дѣятельность приватъ-доцента, — взялъ, главнымъ образомъ, по тому соображенію, что на эту тему есть цѣлыхъ сорокъ страницъ въ полномъ курсѣ Догматическаго богословія митр. Макарія. Если, соображалъ я, эти сорокъ страницъ переработать и восполнить переводомъ соответствующаго отдѣла изъ доброй нѣмецкой догматики, то можно съ большою вѣроятностью рассчитывать на желательный для меня баллъ на кандидатскомъ сочиненіи. Съ этою цѣлью я обратился къ Ал—дру Дм—чу съ просьбою указать мнѣ нѣсколько пособій, и онъ указалъ мнѣ нѣсколько нѣмецкихъ догматикъ, и вотъ я помаленьку сталъ приниматься за переводъ изъ рекомендованныхъ мнѣ нѣмецкихъ догматикъ отдѣла о первосвященническомъ служеніи І Христа. Но по мѣрѣ того, какъ я вникалъ въ переводимое, незамѣтно, по

день ото дня болѣе, любознательность юноши брала перевѣсъ надъ легкомысліемъ студента, и мысль о казенномъ, механическомъ отношеніи къ взятой мною темѣ оставляла меня все болѣе и болѣе. И наоборотъ, все болѣе и болѣе развивалось во мнѣ намѣреніе понять съ надлежащею ясностію и самостоятельностью взятый предметъ и изложить его внѣ рабской зависимости отъ какого-либо курса русскаго или нѣмецкаго догматическаго богословія. Въ особенности произвела на меня сильное впечатлѣніе только что въ тотъ годъ вышедшая книга нѣмецкаго пастора Крейбича, подъ заглавіемъ „Die Versöhnungslehre“; мнѣ показалось, что она такъ освѣтила мой взглядъ на изучаемый догматъ, что я понималъ его съ такою ясностію и точностію, какъ будто бы это была не тайна вѣры, а конечная истина, вполне доступная человѣческому уму. Дѣло было уже близко къ концу, и надобно Вамъ сказать, что до этого времени у меня не возбуждалось ни малѣйшаго недоумѣнія по вопросу о какихъ-либо недостаткахъ богословскаго термина: удовлетвореніе правдъ Божіей, какъ сущность искупленія. Напротивъ, всѣ мои усилія были направлены къ тому, чтобы найти самую рациональную аргументанцію для оправданія мысли объ удовлетвореніи правдъ Божіей. Такъ дѣло шло до Великаго Пятка. Вы сами, мм. гг., лучше моего знаете то торжественное и умиленное богослуженіе великой вечерни въ Великій Пятокъ въ сей св. Лаврѣ. И вотъ, когда я присутствовалъ за вечернею Великаго Пятка въ трапезной церкви Лавры, какъ то невольно для меня самого мнѣ представилась рѣзкая противоположность между трогательнымъ богослуженіемъ во славу Распятаго за ны при Понтійстѣмъ Пилатъ и между сухою, отвлеченною логическою формулою догматики, предназначенною объяснить этотъ единственный по своему величію и значенію фактъ во всемірной исторіи человечества. Любовь Божія требовала простить грѣшника, правда Божія требовала наказать грѣшника,—и вотъ, чтобы примирить правду съ благостію требовалось удовлетворить правдъ Божіей. „Ужели“, думалъ я, „эта отвлеченная формула свела съ небесъ на землю Сына Божія, вселила Его въ утробу Дѣвы, сдѣлала Его Богочеловѣкомъ, привела Его ко кресту и къ крестной смерти? Ужели эта отвлеченная формула заставляетъ биться миллионы сердець, вызываетъ на глазахъ слезы, заставляетъ громогласно

звучать колокола по всему обширному пространству христіанскихъ странъ; ужели эта форма сзываетъ въ храмы многіе милліоны вѣрующихъ въ распятаго Христа душъ?—и я сильно усумнился, чтобы это было на самомъ дѣлѣ дѣйствительно такъ, и никогда я еще не возвращался изъ храма столь взволнованнымъ и смущеннымъ, какъ въ этотъ памятный для меня день Великаго Пятка. Юноша, отъ природы прямой и искренній, я совершенно растерялся: весь трагизмъ моего положенія заключался не въ томъ, чтобы я не имѣлъ достаточнаго мужества не выдавать болѣе за истину того, что я въ душѣ пересталъ считать истиной, а въ томъ, что я совершенно не зналъ, что же мнѣ поставить на мѣсто ученія объ удовлетвореніи, въ которомъ я сильно усумнился. И перестали меня утѣшать всѣ переводы изъ нѣмецкихъ догматикъ, и я почувствовалъ, что нѣтъ болѣе почвы подъ моими ногами, и никогда въ жизни мнѣ не хотѣлось такъ страстно самому узнать и прочесть, какъ учили Отцы и Учители древней Церкви о первосвященническомъ служеніи І. Христа.

Бываютъ въ жизни человѣка моменты столь знаменательные, что самому переживающему ихъ человѣку искренно хочется вѣрить въ провиденціальное значеніе такихъ моментовъ. Нѣчто подобное случилось и со мною въ этотъ памятный для меня Великій Пятокъ. Возвратившись отъ вечерняго богослуженія, всецѣло поглощенный мыслями и сомнѣніями, столь неожиданно для меня самого посѣтившими меня предъ окончаніемъ моего перваго ученаго труда, я, не отдавая себѣ ясно отчета въ своемъ поступкѣ, взялъ томъ твореній Св. Григорія Богослова и совершенно случайно раскрылъ извѣстное слово св. Григорія на Пасху и въ немъ прочелъ слова: „кому и для чего пролита сія изліянная за насъ кровь, кровь великая и преславная Бога, и Архіерея, и Жертвы? Мы были во власти лукаваго, проданные подъ грѣхъ и сластолюбіемъ купившіе себѣ поврежденіе. А если цѣна искупленія дается не иному кому, какъ содержащему во власти, спрашиваю: кому и по какой причинѣ принесена такая цѣна? Если лукавому, то какъ сіе оскорбительно! Разбойникъ получаетъ цѣну искупленія, получаетъ не только отъ Бога, но Самого Бога; за свое мучительство беретъ такую безмѣрную плату, что за нее справедливо было пошадить и

насъ! А если Отцу, то во-первыхъ какимъ образомъ? Не у Него мы были въ плѣну. А во-вторыхъ, по какой причинѣ кровь Единороднаго пріятна Отцу, Который не принялъ Исаака, приносящаго отцомъ, но замѣнилъ жертвоприношеніе, вмѣсто словесной жертвы давъ овна? Или изъ сего видно, что пріемлетъ Отецъ не потому, что требовалъ или имѣлъ нужду, но по домостроительству и потому, что человѣку нужно было освятиться человѣчествомъ Бога, чтобы Онъ Самъ избавилъ насъ, преодолѣвъ мучителя силою и возвелъ насъ къ Себѣ черезъ Сына, посредствующаго и все устрояющаго въ честь Отца, Которому оказывается Онъ во всемъ покорствующимъ“. Эти слова св. Григорія Богослова при моемъ тогдашнемъ настроеніи были для меня откровеніемъ въ точномъ смыслѣ этого слова, и что всего страннѣе, я не могъ сказать, что ранѣе я не зналъ этихъ словъ, я ихъ зналъ еще въ VI классѣ семинаріи, но тогда я понималъ только внѣшній смыслъ ихъ, а ихъ внутреннее значеніе оставалось для меня закрытымъ. Но теперь я постигъ весь ихъ внутренній смыслъ: недоумѣнія св. Отца были и моими тогдашними мучительными недоумѣніями, а потому и разъясненіе его недоумѣній было вмѣстѣ съ тѣмъ разъясненіемъ и моихъ недоумѣній. И дѣйствительно, меня до значительной степени успокоила мысль, что Отецъ пріемлетъ Сына не потому, чтобы требовалъ или имѣлъ нужду, но по домостроительству и потому что человѣку нужно было освятиться человѣчествомъ Бога и прочее. Въ смыслѣ именно этой идеи св. Григорія Богослова я, сколько возможно, и исправилъ свое кандидатское сочиненіе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, желаніе изучить во всей полнотѣ святоотеческій взглядъ на искупительную жертву Христову по подлиннымъ ихъ твореніямъ не только меня не оставило, но сдѣлалось еще живѣе. Къ сожалѣнію, въ то время не суждено было осуществиться этимъ благороднымъ мечтамъ моей юности. Когда на IV курсѣ я принялся за эту предполагаемую работу, я скоро понялъ всю трудность взятой на себя задачи; когда я представилъ себѣ сколько томовъ святоотеческихъ твореній мнѣ предстояло прочитать, я былъ подавленъ самою мыслью о трудности задачи и подобно евангельскому юношѣ, пожелавшему было исполнить то, чего не докончалъ, но потомъ отступившему предъ трудностію предложенныхъ ему Христомъ совѣтовъ, и я ото-

шелъ отъ своей задачи, скорбя. Шли годы, и я выходилъ работать то на ту, то на другую ниву, сообразно съ тѣмъ, на какую посылали меня житейскія обстоятельства. И думалось мнѣ, что этимъ моимъ лучшимъ юношескимъ мечтамъ уже никогда не суждено осуществиться, и что мнѣ не осталось ничего болѣе, какъ только сказать вмѣстѣ съ поэтомъ:

„Какъ много умерло прекрасныхъ упованій,
Какъ много умерло несбывшихся надеждъ.“

Тѣмъ болѣе не безъ нѣкотораго утѣшенія въ настоящее время представляю, что мнѣ дано въ нѣкоторой мѣрѣ привести въ исполненіе можетъ быть лучшую и благороднѣйшую мечту моей юности, хотя уже послѣ полудня моей жизни. Въ изложенныхъ обстоятельствахъ и заключается объясненіе, почему я взялъ именно эту тему для своей книги, которую я буду имѣть честь сейчасъ предъ Вами защищать.

Переходя теперь отъ объясненія чисто личныхъ причинъ, вызвавшихъ появленіе на свѣтѣ моей книги, къ сужденію о самой книгѣ, я болѣе, чѣмъ всякій другой, далекъ отъ мысли признать ее верховъ литературнаго и ученаго совершенства. Напротивъ, мнѣ самому представляются нѣкоторыя недоумѣнія, которыя можетъ вызвать чтеніе моей книги. Начну съ самой темы книги: для не спеціалиста предметъ моей книги можетъ показаться слишкомъ спеціальнымъ. Живо припоминаю эпизодъ, имѣвшій мѣсто года четыре тому назадъ. Прихожу къ одному знакомому попросить у него исторіи догматовъ Гарнака. Разспросивъ меня, зачѣмъ она мнѣ нужна и чѣмъ я занимаюсь, онъ съ недоумѣніемъ пожалъ плечами и далъ мнѣ добрый совѣтъ прочесть изучаемую мною исторію догмата въ догматикѣ еп. Сильвестра и удовольствоваться добытыми оттуда знаніями, и я нисколько не осуждаю своего совѣтника, потому что хорошо понимаю, что не спеціалисту дѣло должно представляться именно такъ. Но для спеціалиста можетъ показаться, что тема въ моей книгѣ недостаточно разработана. Что касается до второй половины книги, обнимающей исторію догмата въ періодъ среднихъ вѣковъ и въ новое время, то я, пожалуй, противъ этого особенно много не стану спорить, такъ какъ я и самъ предположилъ дать лишь краткій очеркъ исторіи догмата за названный періодъ, причемъ въ предисловіи къ моей книгѣ заявилъ, что не всѣ отдѣлы второй части моей

книги обработаны мною по первоисточникамъ и самостоятель-
но. Да и что касается первой части книги, то и она могла
бы быть детально разработана подробнѣе. Но однакоже отъ
моего вниманія никогда небыло скрыто и то обстоятельство,
что, еслибы разрабатывать детально взятую мною тему въ
ея полномъ объемѣ, то вышло бы добрыхъ три тома, страницъ
по пятисотъ въ каждомъ. Но книга съ такимъ объемомъ
потребовала бы отъ меня слишкомъ продолжительнаго и
пожалуй непосильнаго труда и была бы роскошью для той
цѣли, для которой она предназначена. Не говорю уже о
томъ, что столь широко разработанной книги на мою тему
до сихъ поръ не существуетъ въ богатой богословской
западной литературѣ, а тѣмъ болѣе въ нашей русской не-
богатой богословской литературѣ такая книга была бы прежде-
временною роскошью и навѣрно не имѣла бы читателей,
за исключеніемъ развѣ моихъ высокочтимыхъ официаль-
ныхъ оппонентовъ. Конечно, еслибы я при написаніи своей
книги преслѣдовалъ только одни эгоистическія цѣли, на-
сколько возможно оберечь свою книгу отъ непріятной для
меня критики и серіозныхъ возраженій, то для меня было
бы дѣломъ самымъ благоразумнымъ съузить настоящую
тему моей книги разъ въ пять, а то и болѣе и формулировать
бы ее примѣрно такъ: „Исторія догмата объ искупительной
жертвѣ Христовой въ первые три вѣка христіанства, или.
„Исторія догмата объ искупительной жертвѣ Христовой въ
эпоху Вселенскихъ Соборовъ,“ или еще лучше напр. такъ:
„Ученіе объ искупленіи Оригена и вліяніе его ученія на
послѣдующую святоотеческую догматику“; или: „Ученіе объ
искупленіи св. Аѳанасія Александрійскаго,“ и т. п.... Тогда
я, написавши на одну изъ подобныхъ темъ точъ въ точъ
такую книгу, какую я написалъ, могъ разработать взятую
мною тему со всѣми деталями и подробностями, но смѣю
увѣрить досточтимое собраніе людей науки и просвѣщенія,
что такая книга принесла бы менѣе пользы для настоящаго
времени, нежели моя книга въ ея настоящемъ видѣ. Мнѣ
всегда казалось, что спеціальныя изслѣдованія на спеціаль-
ныя узкія темы полезны и умѣстны тамъ, гдѣ богословская
литература широко разработана, гдѣ главные и существен-
ные вопросы богословской науки широко и многосторонне
разработаны послѣдовательно другъ за другомъ выступавши-

ми на литературно-богословскомъ поприщѣ богословами. Но въ небогатой русской богословской наукѣ разработка мелкихъ деталей была бы менѣе полезна, нежели изслѣдованіе вопросовъ относительно широкихъ. Это въ особенности справедливо въ разсужденіи догматическаго богословія и еще того справедливѣе въ частности въ приложеніи къ исторіи догматовъ. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ знаменитый арх. Херсонскій Иннокентій въ своемъ отзывѣ о догматическомъ богословіи Макарія, впоследствии митрополита Московскаго, — въ отзывѣ, составленномъ по порученіи Императорской Академіи наукъ писалъ: „къ дальнѣйшему уясненію догматовъ авторъ призываетъ на помощь исторію ихъ, которая по важности своей давно составила изъ себя даже и особую науку въ иностранныхъ литературахъ, а у насъ оставалась въ забвеніи.“ Прошло пятьдесятъ лѣтъ съ той поры, какъ сказаны эти слова, но и теперь всякій хотя мало знающій положеніе исторіи догматовъ въ русской богословской литературѣ, не колеблясь, подпишетъ подъ словами: „исторія догматовъ, по важности своей, давно составила изъ себя даже особую науку въ иностранныхъ литературахъ, а у насъ оставалась въ забвеніи.“ Между тѣмъ исторія догматовъ, всегда важная для уясненія догматовъ, можетъ быть въ настоящее время особенно необходима. Еслибы русская богословская литература имѣла тщательно составленную именно православнымъ богословомъ исторію догматовъ о Церкви, іерархіи и таинствахъ, то въ исторіи этихъ догматовъ мы имѣли бы весьма важное пособіе для правильнаго рѣшенія выдвигаемыхъ временемъ вопросовъ о старокатолицизмѣ, англиканской церкви и объ австрійской іерархіи въ старообрядчествѣ, день отъ дня громче возвышающей свой голосъ и все настойчивѣе требующей себѣ равноправности съ іерархіею Православной Церкви. И ввиду полной заброшенности въ нашей богословской литературѣ той ея отрасли, которая на западѣ получила названіе исторіи догматовъ, было бы весьма благовременнымъ появленіе въ ней трудовъ по исторіи догматовъ и притомъ трудовъ, захватывающихъ не слишкомъ узкій періодъ времени, хотя бы и не раскрывающихъ исторіи догмата во всѣхъ мельчайшихъ деталяхъ. Вотъ по этимъ-то соображеніямъ я признаю и свою книгу не бесполезною для русской богословской

науки, несмотря на недостаточно детальное раскрытіе ея предмета. При всемъ томъ, мнѣ кажется, не ошибусь, если скажу, что первая часть моей книги, обнимающая древній періодъ исторіи догмата, изложена съ такою полнотою и обстоятельностью, съ которою я не встрѣчался ни въ одной книгѣ по исторіи догмата объ искупительной жертвѣ Христовой въ богатой нѣмецкой богословской литературѣ. Не буду говорить объ исторіи догмата въ книгѣ Томазія, Гагенбаха, Зеберга и др.,—мнѣ могутъ въ данномъ случаѣ возразить, что эти авторы не имѣли цѣлью специальную разработку догмата объ искупительной жертвѣ Христовой. Укажу на обширное изслѣдованіе Баура: „Ученіе объ искупленіи въ его историческомъ развитіи;“ сколько могу теперь припомнить, не имѣя подъ руками книги, въ ней страницъ семьсотъ. Но изъ этихъ семисотъ страницъ только сто посвящено изложенію исторіи догмата въ древній періодъ Церкви. И это явленіе не случайно. Читая историческое изложеніе догмата объ искупительной жертвѣ Христовой у различныхъ нѣмецкихъ авторовъ, невольно поражаешься, какое малое количество Отцовъ и Учителей Церкви они подвергаютъ обстоятельному разсмотрѣнію. Никто изъ нихъ не излагаетъ подробно ученія объ искупленіи трехъ вселенскихъ святителей: Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго, а равно Кирилла Іерусалимскаго, Іоанна Дамаскина, Меоодія Патарскаго и др. Обычно вниманіе нѣмецкаго богослова привлекаютъ Іустинъ, Иринеѣ, Оригенъ, Григорій Нисскій, Аѳанасій и Кириллъ Александрійскіе, Теодоритъ, развѣ еще изъ западныхъ Иларій и Августинъ и только.... Чѣмъ это объясняется? Это объясняется тенденціозностію западныхъ исторій догмата. Еслибы Вы думали, что западный даже ортодоксальный богословъ, излагая исторію догмата объ искупленіи, хочетъ представить предъ Вами картину подлиннаго святоотеческаго ученія и ничего болѣе, то Вы глубоко ошиблись бы. Нѣтъ, онъ ищетъ у Отцовъ Церкви слѣдовъ Ансельмова ученія объ удовлетвореніи, и чѣмъ болѣе онъ у кого-либо усматриваетъ эти слѣды, тѣмъ болѣе тотъ Отецъ или Учитель Церкви его интересуется, и чѣмъ менѣе тотъ или другой Отецъ Церкви такіе слѣды обнаруживаетъ, тѣмъ менѣе онъ имѣетъ правъ на вниманіе со стороны нѣмецкаго историка догмата. И вотъ съ этой точки

зрѣнія западнаго богослова интересуеъ св. Григорій Нисскій, какъ такой Отець, у котораго хотя смерть Іисуса поставлена подъ точку зрѣнія божественной правды, но эта правда разсматривалась еще не какъ свойство, иммонентное самому божественному существу, но какъ правда, которая не должна быть оскорблена въ отношеніи Бога къ діаволу; Аѳанасій и Кириллъ,—какъ такіе Отцы Церкви, у которыхъ западный историкъ догмата находитъ уже слѣды ученія объ удовлетвореніи правдъ Божій, какъ свойству, иммонентному самому существу Божію, или, выражаясь словами Гогенбаха, „находитъ предпосылки Анзельмовой теоріи объ удовлетвореніи“. Кратко для западнаго богослова исторія догмата объ искупленіи собственно есть *geschichte d. satisfactionslehre*, и такъ какъ онъ главный матеріалъ для исторіи ученія объ удовлетвореніи находитъ у богослововъ среднихъ вѣковъ и новаго времени, то поѣтому на этихъ эпохахъ онъ и сосредоточиваетъ все свое вниманіе и всѣ свои симпатіи. Вслѣдствіе вышеизложеннаго отношенія западныхъ историковъ догмата къ ученію Отцовъ и Учителей древней Церкви въ первые восемь вѣковъ ея существованія, ихъ исторія догмата тенденціозна, и вслѣдствіе этого въ строгомъ смыслѣ этого слова она не научна. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ можно назвать строго научнымъ такое изслѣдованіе, въ которомъ не изъ всей группы фактовъ, безпристрастно и тщательно изученныхъ, дѣлаются тѣ именно выводы, на которые даютъ право всѣ факты данной группы въ совокупности, а наоборотъ, для доказательства напередъ поставленнаго положенія изъ данной группы выбираются тѣ факты, которые подтверждаютъ предвзятую мысль исторіи догмата и безъ дальнѣйшихъ разсужденій обходятся факты, предвзятой мысли не подтверждающіе, или, выражаясь словами блаж. Іеронима „къ своимъ собственнымъ мыслямъ приискиваютъ тексты, и мысли писателей подчиняютъ собственному произволу“.

Отсюда самъ собою слѣдуетъ правильный и истинно научный способъ изложенія предмета. Безъ всякой предвзятой мысли изслѣдователь предмета долженъ изучить и изложить Отцовъ и Учителей Церкви древняго періода именно такъ, какъ понимаютъ и излагаютъ ученіе объ искупительной жертвѣ Христовой они сами, и изъ совокупности ихъ

воззрѣніи сдѣлать тѣ именно выводы, какіе сами собою изъ нихъ слѣдуютъ. Такимъ пониманіемъ правильнаго метода изслѣдованія избраннаго нами предмета, мы и руководствовались, когда писали свою книгу. Правда, при изложеніи ученія Церкви древняго періода нами оставлены безъ разсмотрѣнія нѣкоторые Отцы и Учители древняго періода Церкви, таковы: апологеты Аѣиногоръ и Мелитонъ Сардійскій, таковы: св. Ипполитъ, папа Римскій, Петръ и Діонисій Александрійскіе, Софроній, патр. Іерусалимскій, Максимъ Исповѣдникъ, Дидимъ и нѣкоторые другіе. Но на это мы имѣли свои соображенія: поставивъ задачей изложить исторію догмата объ искупительной жертвѣ Христовой отъ древнѣйшихъ временъ и до нашего времени, я вслѣдствіе такой широты темы естественно долженъ былъ обращать вниманіе на болѣе характерное, главное и важнѣйшее,—преимущественно выбирать тѣхъ Отцовъ, въ твореніяхъ которыхъ усматривается нѣчто вродѣ цѣльной теоріи искупленія, или же раскрывается какой-либо существенный моментъ въ содержаніи изслѣдуемаго догмата; тѣхъ же Отцовъ и Учителей древней Церкви, которые имѣютъ второстепенное или даже третъестепенное значеніе для раскрытія догмата, въ твореніяхъ которыхъ встрѣчается только нѣсколько общихъ фразъ, относящихся къ изслѣдуемому нами догмату,—я опускалъ. И при всемъ томъ исторія догмата объ искупительной жертвѣ Христовой въ древній періодъ Церкви изложена мною съ такою полнотою и обстоятельностью, съ какою она не изложена ни у одного изъ извѣстныхъ мнѣ русскихъ и иностранныхъ авторовъ. При изложеніи исторіи догмата объ искупленіи я поступилъ совершенно противоположно тому, какъ поступаютъ нѣмецкіе историки догмата: въ то время какъ они три четверти своего труда, а иногда и болѣе посвящаютъ изложенію исторіи догмата въ средне-вѣковый и новый періодъ, въ то время, какъ они изложенію ученія Лютера объ искупленіи посвящаютъ многія страницы, равно какъ и изложенію ученія объ искупленіи протестантскихъ богослововъ послѣреформаціоннаго періода;—Отцамъ и Учителямъ древней Церкви они удѣляютъ четвертую, а иногда и седьмую долю своего труда. Я же въ данномъ случаѣ поступилъ какъ разъ наоборотъ: три четверти своего труда посвятилъ изученію и изложенію ученія Отцовъ

и Учителей древней Церкви объ искупленіи и только одну четверть—средневѣковымъ и новымъ богословамъ. И это по слѣдующимъ соображеніямъ: хотя Церковь Божія и въ настоящее время та же самая, что и въ древній періодъ ея существованія, хотя тотъ же Духъ Божій, Который жилъ въ древней Церкви и нынѣ живетъ въ ней, и слѣдовательно тотъ же Духъ Божій и нынѣ наставляетъ на всякую истину вѣрующихъ, какъ живыхъ членовъ живаго тѣла Христова, однакоже Отцы Церкви несравненно авторитетнѣе новыхъ и новѣйшихъ богослововъ, ибо тотъ, кто бы посмотрѣлъ на Отцовъ и Учителей древней Церкви только, какъ на богослововъ своего времени, тотъ посмотрѣлъ бы на нихъ неправильно; нѣтъ, они суть не просто богословы, но и свидѣтели апостольскаго и древне-церковнаго преданія, и по сему ихъ ученіе не есть только ихъ личное богословствованіе, но и свидѣтельство апостольскаго и церковнаго преданія въ дѣлѣ пониманія того или другого догмата христіанства. Поэтому, если къ теоріи новѣйшаго богослова мы съ легкимъ сердцемъ можемъ отнестись критически, то, наоборотъ, когда дѣло идетъ объ ученіи Отца или Учителя древней Церкви, то мы тутъ должны болѣе учиться, нежели критиковать; мы должны внимательно и безпристрастно прислушиваться къ голосу древней Церкви въ томъ убѣжденіи, что всеобщее и согласное ученіе Отцовъ и Учителей древней Церкви есть голосъ апостольскаго и церковнаго преданія касательно даннаго догмата. Вотъ потому то мы и отдали двѣ трети своего вниманія изученію Отцовъ и Учителей древней Церкви, что мы надѣялись этимъ именно путемъ узнать апостольское и древне-церковное преданіе касательно изслѣдуемаго нами догмата.

Что касается до общихъ выводовъ, сдѣланныхъ нами изъ ученія Отцовъ и Учителей Церкви древняго періода, то эти выводы представляютъ собою нѣкоторую особенность: они сдѣланы нами не безъотносительно, но по сравненію съ теоріею искупленія Ансельма Кентемберійскаго; это допущено нами по той причинѣ, что, выражаясь словами Карамзина, „всякая вещь легче познается по сравненію“, а слѣдовательно и особенности ученія Отцовъ и Учителей Церкви легче и яснѣе могутъ быть поняты и нагляднѣе отгѣнены черезъ сопоставленіе святоотеческаго ученія съ теоріею Ансельма.

Но была и другая болѣе серьезная причина сравнительнаго изложенія общихъ выводовъ изъ исторіи догмата въ древней періодъ Церкви. То, что можно назвать гвоздемъ моей книги—есть слѣдующая мысль: въ нашихъ русскихъ православныхъ системахъ догматическаго богословія ученіе объ искупительной жертвѣ Христовой заимствовано изъ системъ западнаго богословія; а основной взглядъ на искупительную жертву Христову у западныхъ богослововъ заимствованъ ими у схоластика XI вѣка Анзельма, архіеп. Кентемберійскаго; а ученіе объ искупленіи Анзельма не вполнѣ тождественно съ ученіемъ о томъ же догматѣ Отцовъ и Учителей древней Церкви. Но чтобы нагляднѣе выяснить эту основную тенденцію своей книги я нашелъ наиболѣе цѣлесообразнымъ изложить общіе выводы ихъ ученія Отцовъ древней Церкви объ искупительной жертвѣ Христовой сравнительно со взглядомъ Анзельма на тотъ же догматъ.

Мы оканчиваемъ свои мысли, высказать которыя мы сочли нужнымъ предъ защитой своей книги. Оканчивая ихъ, не можемъ не пожелать, чтобы наша книга послужила началомъ подробнаго и детальнаго историческаго изслѣдованія центральнаго догмата христіанства. Мы сочли бы свой трудъ не бесполезнымъ, если бы наша книга ввела въ пониманіе сущности и главныхъ сторонъ исторіи догмата объ искупительной жертвѣ Христовой какого-либо молодаго богослова, который пожелалъ бы детально разработать какую-либо эпоху въ исторіи нашего догмата; мы сочли бы свой трудъ не бесполезнымъ, если бы наша книга облегчила новому будущему изслѣдователю исторіи догмата объ искупительной жертвѣ Христовой первые шаги въ самостоятельныхъ его работахъ въ этой области. Но въ особенности мы сочли бы свой трудъ не бесполезнымъ, если бы онъ помогъ не только богослову по профессіи, но и просто просвѣщенному христіанину расширить свои умственные горизонты на величайшую тайну нашего спасенія...

Этимъ я кончаю свою рѣчь и теперь готовъ выслушать сужденія о моей книгѣ моихъ ученыхъ оппонентовъ....
